

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

III

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

В. М. АЛЕКСЕЕВ

Принципы переводов сочинений В. И. Ленина на китайский язык

Мне прежде всего хотелось бы отметить, — и это уже на основании опыта, — особую важность предпринятой работы по выяснению принципов перевода, или, вернее, переводов сочинений В. И. Ленина на китайский язык. Дело ведь идет не об очередном переводе эфемерных литературных произведений, и даже не о переводе произведений образцовых, подверженном манерам и манерностям переводчиков, зависящем от знаний, умений и особого искусства переводчика. Здесь именно переводчик должен сознавать, что он имеет своею непосредственной задачей перевести такие тексты, на которые будут ссылаться как на подлинник. Поэтому, в ряду переводов с русского языка на китайский эти переводы сочинений В. И. Ленина стоят и должны стоять как-то особо.

В самом деле, не место в них неумению, незнанию и всем происходящим отсюда анекдотам, курьезам, несообразностям, отмеченным, между прочим, в русской же печати? Кто-то должен взять ответственность за полноту и точность перевода, за его адекватность подлиннику, играющему столь исключительную руководящую роль. Ясно, что этот кто-то должен прежде всего быть убежденным ленинцем, говорить на ленинском языке (ибо такой определенно существует и семантически, и стилистически, и даже морфологически). Мало того, он должен основательно справиться со своею индивидуальностью, всегда приводящей переводчика к уклонам и увлечениям, которые искажают подлинник; свои литературные вкусы и стилистические навыки, приобретенные им в своем родном языке (ибо в таких случаях перевод не туземца, а иностранца заранее обречен на тщету и гибель), и очень, может быть, пригодные для передачи всех прочих литературных произведений, он должен покинуть, ища лишь полного отражения произведений В. И. Ленина. В переводах на китайский язык рели-

гиозных книг всякого рода переводчики старались соблюсти и дух и букву, но соблюли и то и другое лишь ценою гибели смысла, происшедшей из-за упрямого анахронизма и анатомизма. В сочинениях В. И. Ленина, даже далеких по дате от современности, отражена ярко и красочно самая острая современность, волнующая весь мир, и для ее воспроизведения не нужно прибегать к миссионерской практике, при которой текст в переводе остается непонятным, до вмешательства усердных разъяснений поучающего. Наконец, если даже вообще отбросить какое-либо методическое сопоставление подобных переводов, нужно заявить, что и по методу перевода политических трактатов современности сочинения В. И. Ленина стоят особо, как уже вошедшие в документальную литературу.

Ясно, что трудно было бы одному человеку обойти все эти опасные места, и очень хорошо, что издатели¹ «Избранных сочинений Ленина» на китайском языке («Ленин сюань цзи») прибегли к коллективному труду, и во всяком случае — к коллективной редакции уже сделанных переводов.² Однако, поскольку объективный перевод выигрывает в коллективной операции, поскольку трудна критика его, чаще всего идущая по одному из путей, уже рассмотренных в коллективе переводчиков, но забракованных, постольку критика эта может быть только излишним повторением уже раз продуманного.

Поэтому я пока полагал бы, что заняться критикой этих переводов должен бы также коллектив критиков и, прежде всего, критиков-китайцев, чувствующих получившееся лучше, чем мы, китайцы, не растущие из стихии их языка. Кроме того, надо бы подвергнуть критике не только переводы некоторых статей (как пока мог сделать я), — и не только в «избранных сочинениях», но и полный китайский переводческий опус, который, вероятно, уже существует. Наконец, надо бы опереться на существующую уже, вероятно, критическую литературу об этих переводах, и во всяком случае считаться с ней, чтобы не повторять уже сказанного.³

Все это, как не исполненное, заставляет меня признать мою статью несовершенной и лишь начинающей дело большой важности, дело сотрудничества по распространению сочинений В. И. Ленина среди китайских читателей.

1. Центральное Издательство Народов СССР. 1931.

2. Например, вышедший в изданиях Университета Трудящихся Китая им. Сун Ят-сэна перевод статьи «Н. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции, перевод с русского Е. Пролетарьева (Ленин чжу. Лянгэ пэлю. Бу Шици и) 1927». Этот перевод сделан наспех и издан весьма небрежно, как и прочие в той же серии.

3. Такой критики ищут сами переводчики, как о том будет сказано дальше.

На свою скромную долю я беру пока лишь указание некоторых особенностей коллективного китайского перевода и завершение речи об основных его принципах, уже набросанных.

Надо сразу же сказать, что переводчики стояли на высоте своей задачи, которую они понимают во всей полноте.

Так, в предисловии к т. V они заявляют (стр. 8: *изай фанги...*) «При переводе и его редактуре наше внимание было сосредоточено на исключительно правильном и точном представлении оригинала, и далее—на популярном изложении, а равно и терминологическом единстве. Тем не менее, мы всецело признаем, что в переводах нам было трудно избежать некоторых технических несовершенств, на которые искреннейше просим читателей и критиков нам указать». И действительно, всюду заметно искреннее желание подойти к тексту с наибольшим вниманием и осторожностью; вся сумма мысли и ее оттенков передается самым заботливым образом, и даже тогда, когда китайская конструкция может передать русскую лишь с большими тур-де-форсами. Надо сразу же признать, что в этом переводе, или переводах, впервые изжиты курьезы и тяжелые недоразумения, которыми пестрела до сих пор китайская переводная литература с русского, а также и с псевдо-русского оригинала (обыкновенно, с его английской версии), так что и с этой стороны надо безусловно отметить шаг вперед.

Однако, недосмотры от времени до времени замечаются, и может быть некоторые из моих замечаний, идущих навстречу пожеланиям переводчиков (только что упомянутым), покажутся им справедливыми.

В смысле интегральности оригинала, являющейся для переводчика едва ли не первым и основным требованием, китайские переводчики стоят вообще вне упрека. Если и встречаются некоторые вставки (напр. т. V, на стр. 36, 4-я строка снизу: лишние знаки *кэи*; строка 13-ая сверху, там же: лишние знаки *и чань*; на стр. 37, 6-я строка, где вставлен целый пояснительный период, и т. д.), то единственно в целях большей ясности, как бы ни понимал ее критик перевода.

С другой стороны, пропуски, в которых обыкновенно столь часто виновны переводчики, встречаются так же редко (т. V, стр. 57, 5-я строка: пропущено русское: *якобы*; и др.) — все от того же большого внимания к оригиналу.

Если считать, что эти два основных требования к переводчику соблюдены, то вообще об остальных можно упомянуть лишь бегло. Можно не согласиться, например, чтобы «указка» была верно передана через *мулу* — слово, не имеющее однозного оттенка (47,4); «добрый» (иронически) через

цинхайды (любимый); «начетчик» — через *босюецзя* (ученый; 47,1);¹ «боятся за сознательность» — через *хайна цзыцзи юла циюу* (боятся сознательности) (47,3); «выкрутасы» — через *юйчунь* (грубая юридическая) (43,19); «болотное общество» — через «попавшее в глубокие бездны» — *сянь юй шэньюань* (47,15); «будет» через «не будет» — *буши* (41,4); «лже-свидетель» — через «амулет на теле», *ху шень фу* (37,20); «даже свои» — через *хай цзыцзиды* (и свои: 36,6); «попытки» — через *циту* (надежды) (35,12 и 13); «разъясняли» (вообще и безлично) через «мы разъясняли» (35,2); и т. д., и т. д.

Если от этих неправильностей перейдем к неточностям, то, может быть, нижеследующие указания будут бесполезны для редакторов второго издания: «Акимовщина» вряд ли будет *Акимовфу пай* (акимовцы, 54,11); «предательский» вряд ли то же, что *чумай* (продающий, 57,6); «половинчатость» лишь описана в выражении *бу чэ ди* (не до дна, 53,11); «ярко сквозят» не значит *илю* (остаются, остальные, 52,17); «головокружительный» недостаточно передать через *цзычжунань чжисяды* (вихрем прямо вниз, 51,8); «самобытный» не совсем то же, что *гулиды* (независимый, 50,26); «чур меня» можно бы передать точнее, чем *цзюво* (спаси меня: 47,9); «властители» вряд ли будет *чжужэньвэнь* (владельцы); «церковь», как учреждение, слишком поверхностно передана через *цзяотан* (здание, 45,12); «полухозяйчики» тоже лишь отписка в виде *банью чаньчжэ* (полусобственники, 45,18); «тирада» (иронически) потерялась в *цюйхуа* (серьезная речь, 43,8); «отставивший» не отличено от «отстоявший» (40,25); «благоговейно» недостаточно передано через *цунцзинды* (почтительно, 40,5); «разжевать» не то, что *юн цзяньданьды мизы лай шомин* (простыми примерами объяснить); «размалевывать» недостаточно ярко передано через *синжун* (изобразить, 37,11); «зря» недостаточно сильно в *у вэйды* (без смысла, 36,14); «не дает себе» в переводе пересказано в виде «не имеет» (36,9); «иметь дело с ...» (в своих же рядах) вряд ли то же, что *пэндао* (встретиться, наткнуться, 35,11); «таким же» передано неточно через «этими» (там же); не передано множественное число (35,13); и т. д.

¹ Н. А. Невский, компетентности которого я вполне доверяюсь, в этом и других случаях находит, что выражения, необычные в китайской речи, могут быть японизмами, совершенно обычными для речи японской. Возможно поэтому, что при переводе китайские переводчики пользовались, кроме русского, еще и японскими переводами, и во всяком случае русско-японским словарем, к которому изучающие русский язык китайцы прибегают охотнее, чем к словарям русско-китайским, доселе всегда неполным, несовременным и вообще слишком несовершенным.

Все эти неточности, собранные на нескольких страницах, как видно, не из тех, что набрасывают на перевод тень, и приведены мною лишь для полноты картины.

Переходя теперь к самому стилю перевода, укажу прежде всего на то, что избранный переводчиками упрощенный и полуразговорный байхуа, конечно, более всего подходит к живому и полуразговорному стилю оригинала, сообщая длинным периодам нужную эластичность и выразительность. Однако, в первых переводах (например у т. Пролетариева) обилие частицы «ды» было даже излишним, и в коллективной редакции оно упразднено, что, конечно, к лучшему.¹ Благодаря этой эластичности, фраза у переводчиков не строится рабски по оригиналу, а старается его выразить своими более надежными средствами, хотя все-таки периоды, сильно скрашенные в оригинале живым, острым, терпким, живописным и оригинальным языком, здесь переданы утомительно и вяло, что объясняется, конечно, явною и понятною неадекватностью переводчиков сильному оригиналу, точная передача которого заслонила собою слишком многое, в том числе и легкую читаемость перевода.

В частности, в погоне за китайской конструкцией, переводчик иногда форсирует логические построения оригинала, разобщая связанные мысли (фраза «... что они не понимают задач партии, как передового отряда класса, как его руководителя и организатора» (см. Соч. VII, 1931, стр. 183) передана так: «... они не понимают задач партии; не понимают, что партия является передовым отрядом класса, что она есть его...» и т. д. (см. V, 35, 5). Ленинская игра слов ему обычно не удается (Соч., VII, 191, фраза: «Но он не забудет также, что у этой массы есть «кроме прошлого будущее, кроме пред-*рассудков* *рассудок*»...) выразилась так: «что кроме прошлого, еще есть будущее, кроме *пяньцзянь* (предрассудков) еще *мичжи* (рассудок) (V, 45, 26); литературный намек исчезает (Соч., VII, 192): «... да минует меня чаша революционно-демократической диктатуры!» — «... «не позволяй злу (бедствию) революционной демократии нападать на нас» — и точно также без оговорок, которые, впрочем, существенны лишь для ригористов. Впрочем, иногда в переводе отпадает даже то существенное, что подтверждается как важное для понимания в «Сочинениях» (напр. VII, 192, где ссылка на примечание: «Он не захотел делать «Сизифову работу» (прим. 96) бесконечных поправок к Мартыновским и Мартовским глупостям» — «он не захотел делать бесконечных поправок к Мартыновским и Мартовским из глупых глупым доводам» (V,

¹ Но, все же, осталось, как например, во фразе: Ша чжэньэ юньдун цзи ци гэньбэньды хай чжуйоды мудиды дайбяо (V, 37, 7).

48, 1) — и таким образом, отсюда исчез двойной намек. Буквальность перевода чаще всего топит едкую ленинскую иронию: «умный Мартынов» передано через *цунминды Ма(р)динофу*; «почтеннейший Мартынов» — через *цзуй цзуньцуйды М.* — в обоих случаях валюта слов пропала; и так далее. Полагаю, что от ответственных переводчиков, кроме официальной точности, надо бы потребовать еще находчивости и мастерства, особенно, если помнить, что они переводят оратора, действовавшего на слушателя своим языком не менее, чем своею мыслью.

Во всяком случае, надо считать, что принцип перевода, требующий пропорциональных отражений элементов оригинала, в этих переводах едва ли соблюден как следует, ибо ленинский полуразговорный стиль основан все-таки на крепкой литературной фразе, чего нельзя сказать про китайский стиль перевода, которому не хватает именно этой установки.

Неологизация китайского стиля в переводах идет иногда слишком далеко и вероятно отходит от популярного (*тунсу*) изложения, поставленного переводчиками в девиз. Так, «политическое крещение» в дословном переводе: *чженчжи сими*, вероятно бессильно (V, 53, 2); «хвостизм», в виде *иба чжун* также вряд ли будет учтен наравне с русским; оговорки в скобках, имевшие значение для современников Ленина, знавших, например, французский язык («... совершенно ошибочно автор говорит *tout court* — в скобках: «просто на просто», вероятно, вставка редактуры — о «воле всей буржуазии» в китайской версии выглядит только уродливо и ни к чему: «итак, наш автор *Tout Court* (т. е. просто на просто) говорит... (41, 9); точно так же латинская школьная побасенка, бывшая в ходу у нашего поколения в дореволюционной России, выглядит в китайском тексте, предназначенном для не знающих латинского языка, излишне причудливо: «... Не удивительно, что он стал испытывать в нем все чаще *taedium vitae*, тошноту жизни» — «не удивительно, что он в этом обществе *Tal* (опечатка) *dium Vitae* ежедневно все больше чувствовал горечь жизни...» и т. д. Вообще же нужно сказать, что коллективная редактура выбросила довольно частые русские вставки отдельных переводчиков,¹ оставив только те из них, что были в тексте В. И. (см. предисл. к т. V, стр. 8). Но и эта трансплантация сделана, как видим, достаточно неуклюже.

Обратное этому и совершенно естественное для китайца, заботящегося о яркости и убедительности китайского переводного текста, который говорит

¹ У т. Пролетариева повсюду вставлены русские и иностранные имена и выражения: Эдуард Бернштейн, предпосылки социализма, эпизодический, *Neue Zeit*, Союз Русского Народа, Союз Михайла Архангела и т. д.

о далеких от массового читателя русских событиях, стремление к китаизации точно так же часто переходит меру. Так, «лозунг, . . . непонятный для рабочих масс» — слишком китаизирован в виде *мо мин ци мяо*, да и ирония не нужна (34,2); «филистеры» не будут китайские «рядовые и грубые» (46,26); «арена» не всегда *утай* (сцена китайского театра); «выяснить себе» слишком грубо передано через *нунцинчу*; «сапоги в смятку» передано непристойно через *гоупи бутун*; «земно поклониться» преувеличено в *синсян даочжю* (молиться с возженными курениями, 44,11); «обрушивается на . . .» тоже слишком сильно передано через *бу си изя и пинминды гунцизи* (не жалеет дойти до драки на смерть с . . .); «путаница» не так страшна, как *худу* (глупость); «пустозвон» не так неприлично и жестоко, как *нюпи дацзя*; выражение «неспособность понимать, что к чему» не эквивалент китайскому *ицзяо бутун* (сквозное непонимание, 40,20) и т. д. Здесь опять на очереди вопросы такта.

Остается сделать еще несколько замечаний о внешности переводов, транскрипции и пунктуации. Здесь также наблюдаем некоторое отсутствие масштаба (правда, не часто): то переводятся термины, полупринятые уже в Китае в транскрипции (из перевода Пролетариева изгнано *демокласи* и заменено через *миньчжю чжун*), то вдруг транскрибируется «логика» через *лоцзи* (5,5). «Большевик» также неизменно транскрибируется (*бурсавэйкэ*). То же и в пунктуации, то строгой (в отношении, например, собственных имен), то забывчивой.

К т. V приложен весьма странный указатель, имеющий в виду китайца, знающего английский язык и живущего в Китае (Чжун-Си чжуань мынь мин цы соинь: Китайско-Западный указатель специальных терминов). С одной стороны, его как будто составляли знающие русский язык, с другой же, это сомнительно (*Raboché Mysle, Raboché Ielo* — перевод: *Worker's Deeds, — Карауров, Сон Отечества, Beinstein, Osvoboženie*). Русские собственные имена к тому же англизированы (*Perm, Warsaw, Prague, Nicolas*) причем не без неграмотных субститутов (*Two Dictatorship*).

Сознаюсь, что уже один этот указатель вводит меня в сомнение насчет исключительно русского оригинала переводов вообще.

Однако, исполнение переводов надо считать вполне благополучным, и я буду рад, если это признают и другие, имевшие возможности, о которых я упоминал в начале статьи, как о не имевшихся у меня лично. В этом переводе соединились все условия хорошего исполнения знающими и понимающими дело людьми, умеющими к тому же говорить языком, близким

к языку оригинала. Отсутствие эквивалентов для наиболее характерных мест ленинского языка как будто указывает на какую-то третью среду, их смягчившую или обезличившую, и этой средою мог быть, например, английский перевод, обращение к которому, я, впрочем, поставил бы в реприманд после других.

Вряд ли эти переводы составят естественным порядком (т. е. без должной подготовки) массовое чтение.

Убийственные длинноты перевода и прочие отмеченные мною недостатки этому, вероятно, будут сильно мешать, тем более, что китайский перевод оказался почему-то гораздо скупер на примечания, нежели русский текст. Китайцу же дилетанту текст останется мало доступным вообще.

Тем не менее, огромное дело сделано, и оно будет говорить и жить самостоятельно. Как бы ни были громоздки эти переводы, они вводят в китайский литературный обиход новый, ленинский язык, и не трудно предвидеть, что он, этот язык, освобождая, как и у нас, современную мысль от оков старой литературной традиции, даст выход в жизнь многому новому, ядущему в грандиозную классовую борьбу.
